

Владимир Мойсеенко
Записки врача

с серьёзными основами акупунктуры и вступлением
к гомеопатии

Владимир Максимович Мойсеенко
Записки врача. С серьёзными
основами акупунктуры
и вступлением к гомеопатии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67897449

ISBN 9785005679093

Аннотация

В книге описываются первые шаги молодого врача, первые удачи и неудачи, даются основы акупунктуры, которые помогут не только начинающим иглотерапевтам, но и уже опытным профессионалам. А также даётся представление о гомеопатии, как о научной и полноправной ветви развития медицины, о её подвижниках и сложностях её принятия академической медициной.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	16
Глава 3.	21
Глава 4.	30
Глава 5.	41
Глава 6.	45
Глава 7.	53
Глава 8.	59
Глава 9.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Записки врача
С серьёзными основами
акупунктуры и вступлением
к гомеопатии**

**Владимир Максимович
Мойсеенко**

Корректор Ольга Рыбина

Иллюстратор Владимир Мойсеенко

Фотограф Владимир Мойсеенко

Дизайнер обложки Владимир Мойсеенко

© Владимир Максимович Мойсеенко, 2022

© Владимир Мойсеенко, иллюстрации, 2022

© Владимир Мойсеенко, фотографии, 2022

© Владимир Мойсеенко, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-7909-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

О том, как я пришёл к этой профессии

Шёл 1973 год. Я шагал по улице мимо букинистического магазина. Старые книги, манящий аромат знаний, лёгкая дрожь, пронизывающая всё тело, когда прикасаешься к этим пожелтевшим страницам, заставили меня остановиться у витрины. И я вошёл в магазин. Мой взгляд пробежался по корешкам книг и остановился на Большой медицинской энциклопедии. Раньше я её здесь не видел. Это была БМЭ в 36 томах (1956—1964), вышедшая под редакцией академика А. Н. Бакулева. Кроме огромного количества обычных иллюстраций, в ней было около сотни стереоиллюстраций (чего я даже не предполагал), для просмотра которых прилагались стереочки к каждому тому. А кроме того, к энциклопедии прилагались небольшого формата пластинки с записью различных шумов, звуков, которые можно было услышать в норме и при патологических процессах в человеческом теле. Вобщем, это была бомба!

А надо вам сказать, что хотя в это время я учился на вечернем отделении политехнического института, на инженерно-строительном факультете, и работал, мой интерес к этой профессии неумолимо угасал. Честно говоря, его изначально-

но-то особенно и не было. Просто после школы, которую я закончил в 1970 году, несколько моих одноклассников решили поступать именно в политехнический институт. Меня на тот момент терзали смутные сомнения по поводу того, чему посвятить свою жизнь. Я так и не склонился к какой-либо определённой профессии. И за компанию я пошёл поступать вместе с ними. Поступлю, решил я, а там посмотрим. Может, переведусь на другой факультет. Увы, мы часто откладываем на потом важные решения. Как будто жизнь вечна и бесконечна и у нас ещё будет много шансов всё переиграть, как в компьютерной игре.

Однако чем дольше я учился, а тем более работал на различных строительных специальностях (учился я на вечернем отделении, а днём работал), начиная от помощника геодезиста, каменщика, чертёжника, тем больше я понимал, что специальность инженера-строителя не для меня. Поначалу я думал, что, работая в строительстве, я оставлю после себя какой-никакой след в виде домов, мостов и прочих строительных сооружений. Работая в управлении главного архитектора города, а затем в Государственном проектно-институте №5, я понял, что даже архитектор крайне ограничен в своих фантазиях сметами и стандартами проектов. Это навевало тоску и большие сомнения по поводу грандиозности и оригинальности строительных сооружений, которые я мог бы воздвигнуть.

Я долго раздумывал, чему же мне посвятить себя. Мель-

кали мысли о специальности лётчика, я представлял себе, как на бегу застёгиваю шлемофон и запрыгиваю в боевой самолёт; был интерес к истории и археологии.

А надо вам сказать, что пока я учился на вечернем отделении, я успел побывать в армии, куда я попал, учась на первом курсе. Служба моя проходила в ВВС, в лётно-учебном полку, где учились летать курсанты из разных стран мира, и в первую очередь из стран социалистического содружества. Вьетнамцы учились на Мигах-15 и -17. Кубинцы летали на Миг-21, Су-7Б. Летали на наших истребителях чехи, словаки, венгры, поляки, немцы, алжирцы, и прочая, и прочая. Не забуду, как пищали вьетнамцы, когда их выстреливали из учебной катапульты, которую они боялись как огня. А вот темнокожие кубинцы хохотали, когда катапульта их выстреливала и над ними раскрывался парашют. Так вот, работая на пункте связи, а затем писарем при штабе, куда меня спроводили после инцидента, который произошёл на этом самом пункте связи и с моим участием, я понял, насколько подневольная жизнь у молодых лётчиков. Маршруты полётов, их продолжительность строго ограничены. Шаг влево, шаг вправо... О боже! Где же свободный полёт расправившего крылья человека? Но ведь это понятно. Это армия. Как можно без дисциплины? Да и в гражданской авиации от курса особенно не уклониться. В общем, я понял, что и это не для меня.

Интерес был и к человеку, к человеческому телу; к то-

му, как мы устроены; что есть в нас такого ещё, что делает нас людьми; какие тонкие структуры в нас составляют нашу сущность, кроме очевидного тела. Как познать себя? Старая мудрость гласит: «Если ты все науки познал, но себя не познал, – ты ничего не познал». В конце концов я стал склоняться к медицине, поскольку счёл профессию врача наиболее независимой, творческой, свободной и приближающей к изучению истинной сущности человека. А изучение её – требующим непосредственного присутствия в медицинском институте и работы для начала с трупами. Ибо познать телесную часть человека нет иного способа, кроме как в анатомическом зале.

Так уж складывается у меня в жизни, что прежде чем решиться на что-то большее, я беру в руки малую его часть, а затем дело доходит и до самой цели. Так я когда-то увидел в магазине «Мелодия» небольшую гибкую пластинку Шарля Азнавура. И я купил её, хотя проигрывателя у меня не было, а Азнавур мне нравился. Купив пластинку, я вскоре купил и проигрыватель. А купив проигрыватель, я через некоторое время купил усилитель и колонки. Так же было с кассетным магнитофоном: вначале я купил записи на кассете, а уж потом и сам магнитофон. Так же было и с видеомангнитофоном и т. д.

И вот я стоял в магазине букинистической литературы и перелистывал страницы одного из томов. На фотографии был изображён человек из металла. И по всему телу его

можно было различить мелкие точки. Статья, которую я начал читать, рассказывала о древнем методе лечения с помощью иглотерапии, о неких активных точках тела, воздействуя на которые можно лечить внутренние органы. Что-то ёкнуло внутри меня, и желание узнать больше об этом методе и о человеке вообще породило некий внутренний зуд, который не мог уже успокоиться и требовал делать что-то, некие шаги в этом направлении. Как сказал Лао Цзы, путь в тысячу ли начинается с первого шага. И я сделал этот шаг. Я купил медицинскую энциклопедию.

Мама сделала круглые глаза, когда увидела меня со всеми этими книгами. Её глаза ещё больше округлились, когда я сказал, что это медицинская энциклопедия и я подумываю (это было специально смягчённое выражение), не забрать ли мне документы из политеха и не поступить ли в медицинский институт. Тут мама села, схватилась за сердце и пролепетала:

– Вовочка, если ты заберёшь документы из политехнического института, ты сведёшь меня в могилу. Ты же знаешь, как это сложно – поступить в медицинский! Ты знаешь, какой там конкурс? Ты окажешься за бортом жизни, а я на кладбище, потому что я этого не переживу.

Чтобы не свести маму в могилу, я ещё некоторое время продолжал учиться в политехе, сидел над чертежами, зубрил политехнические науки, сдавал экзамены. Я уже всерьёз подумывал пойти в деканат политеха за документами. Но тут,

в начале 1974 года, умерла от воспаления лёгких моя горячо любимая бабушка Аня, мамина мама. Ей было 86 лет, и она была при этом человеком активным. Готовила пищу, ходила в магазин за продуктами, читала, вязала, ходила по временам в церковь. Ходила в церковь лишь по большим праздникам, поскольку говаривала: «Чем ближе к церкви, тем дальше от бога». Она молилась дома обо всех нас, о нашей здравии и о тех, кто уже ушёл из этого мира. Она научила меня молитвам «Отче наш» и «Богородице Дево». Моя милая крохотулечка. В ней не было и 150 сантиметров роста. Нередко я брал её на руки и кружил с ней по комнате. «Пусти, уронишь!» – кричала она. А я кружился с ней, с моим стареньким маленьким ангелом-хранителем. «Я – великая труженица, – говорила она о себе. – Тружусь всю жизнь. Никак не отдохну. Отдохну уже на том свете». «Нет, бабулечка, – отвечал я ей, – ты никогда не умрёшь». – «Да что же, я бессмертная?» – «Да, моё солнышко. Ты всегда будешь с нами». У неё было морщинистое лицо и жилистые руки с такой прозрачной кожей, что видны были все сосуды. Готовый экземпляр для изучения анатомии. И хотя она была уже старенькая, для мамы её смерть была, как и для всех нас, тяжёлым ударом. Мама хваталась за сердце, пила валерьянку, корвалол и валокордин. И я опять не пошёл забирать документы.

Так я дожил до третьего курса. Но внутренний зуд не покидал меня. К осени 1974 года я окончательно созрел. Мочи

моей не было более терпеть это несоответствие внутренне-го позыва и необходимости следовать проторенной колеёй. Я забрал документы из политехнического и стал поступать в медицинский институт, куда поступить, по прогнозам моей матушки, было совсем нереально. Я не был таким уж идиотом на тот момент, чтобы не быть осведомлённым о том, что в медицинститут поступают нередко дети врачей (у меня в семье, да и в роду, насколько я знал, врачей не было; и хотя родители работали экономистами в облфинотделе и райфинотделе, но звёзд с неба не хватало); дети профессуры как из медицинститута, так и из других учебных заведений; дети директоров заводов; дети родителей, работающих в торговой сфере и имеющих доступ к дефициту; дети партийных руководителей, руководителей районных и областных Советов и пр. Но случалось поступать и очень настырным молодым людям и девушкам со стороны, либо просто явным отличникам и медалистам, блестяще окончившим школу, у которых с головой и с памятью было всё в порядке. Ничем таким я не обладал. Школу окончил в основном на четыре балла по большинству предметов. Поэтому, когда я забирал документы из политеха, на меня посмотрели с состраданием, как на блаженненького. Особенно когда я сказал, что собираюсь поступать в медицинский. «Не передумаете?» – спросила дама в очках. «Нет», – ответил я твёрдо. Она вздохнула: «Ну, может, ещё сможете восстановиться». И отдала документы.

Может быть, я обнаглел не на шутку? Либо уверовал в ру-

ку Вселенной, которая меня ведёт и каким-то образом мне поможет? Сейчас, ретроспективно рассматривая своё решение, уже после того как я познакомился с книгой Ронды Бёрн «Тайна» и с её одноимённым фильмом, я должен признать, что, действуя рационально, никогда бы не забрал документы из политеха и не вступил бы на весьма зыбкую тропу, ведущую в мединститут. А тогда я каким-то внутренним чувством уже представлял себя врачом, я был совершенно уверен в том, что обязательно поступлю, сколько бы усилий мне ни потребовалось. Что я просто не могу не поступить.

Раньше, в детстве да и не только, со мной случались происшествия, на которые я особенно и не обращал внимания, но с точки зрения здравого смысла они являлись совершенно невероятными, волшебными, не отвечающими законам нашего мира.

Однажды в детстве родители собрались идти в лес по грибы, и я должен был идти с ними. Не то чтобы я не любил ходить по грибы в лес. Скорее напротив, мне доставляло удовольствие находить грибочки, а потом приносить их домой и, уже приготовленные бабушкой, потушенные с лучком и со сметаной, исходящие паром, съесть. Просто в тот день я собирался поехать с соседом дядей Борей на рыбалку, к которой он же меня и пристрастил. Но идти пришлось в лес с родителями. Тем не менее я заявил, что хотя и покоряюсь их грубой силе, но собирать грибы я не буду, а беру с собой удочку, чтобы ловить рыбу. Ну очень мне хотелось в тот день

на рыбалку. Я просто не представлял себе, что этот день закончится без улова. Мама посмеялась над моей затеей и сказала, что в лесу, куда мы едем, нет ни озера, ни реки, а потому затея моя глупая и бесперспективная. Так и сказала – «бесперспективная». Блуждая по лесу, я всё осматривался по сторонам, не забрезжит ли где водная гладь. Но увы. Похоже было, что в этом лесу и впрямь рыбалка будет бесперспективной. И вдруг, когда я был уже близок к отчаянию, за кустиком я увидел осоку, а она ассоциировалась у меня с водоёмом. Я шагнул вперёд, и пред моим взором предстал «водоём». То была лужа с поверхностью не более двух квадратных метров, по краю которой и росла осока. «Ну что же, вот и моё озеро», – вздохнул я и, надев на крючок шарик из хлебного мякиша, закинул удочку. Ждать долго не пришлось. Поплавок нырнул, и, к своему изумлению и радости, я выудил из лужи карасика размером с ладошку. Ещё четыре раза я забрасывал удочку, и ещё четыре карасика оказались моей добычей. После чего рыба в этом водоёме, похоже, закончилась. Я ещё сидел с удочкой, когда ко мне подошла мама, саркастически оглядела моё озеро и, улыбнувшись, спросила, как дела у рыболова. Молча я достал из воды леску, на которой болтались пять карасиков, и гордо приподнял их над головой. Улыбка у мамы исчезла, а рот приоткрылся. Когда мы пришли домой, бабушка сварила из этих рыбок уху. Ещё были и грибы жареные. Анализируя этот случай теперь, с высоты прочтения Ронды Бёрн, я неизбежно прихожу к вы-

воду, что мир, в котором мы живём, чудесный, волшебный и если очень чего-либо захотеть, то обязательно это случится в малом или большом...

В общем, я засел за учебники. Настали решающие дни экзаменов. Я сдал все экзамены и... недобрал баллов. Конфуз, однако. Представьте себе выражение лица моей мамы, слёзы в глазах и её слова «Я же говорила...» Валерьянка, корвалол...

Однако я не сдавался, и уверенность, что я обязательно поступлю в мединститут, меня не покидала. Я знал о существовании подготовительного отделения и отправился в его деканат. Иннокентий Родионович оказался человеком доброжелательным. Выслушав мою историю, он предложил мне на выбор: либо поступать на подготовительное отделение и через год вновь испытать судьбу, либо поступить лаборантом на кафедру нормальной физиологии человека и, отработав там два года, поварившись во внутренней кухне кафедры, получив лучшее представление о физиологии и основательно подготовившись, уже наверняка поступить на стоматологический факультет мединститута. «На стоматологический? – переспросил я. – Нет, я буду поступать только на лечебный». – «Ну ладно, посмотрим. Может, ещё передумаете. Вот я, например, закончил стоматологический, прошёл курсы по общей хирургии, отработал несколько лет на периферии и вот теперь преподаю на кафедре нормальной физиологии», – сказал декан. «Нет, только на лечебный», – повторил

я, удивляясь собственной наглости. По поводу же предложения Иннокентия Родионовича я подумал, что поработать лаборантом на кафедре нормальной физиологии действительно хороший вариант, и я согласился.

Глава 2.

О том, как я трудился на кафедре нормальной физиологии

Кафедра нормальной физиологии человека располагалась на втором этаже одного из зданий мединститута. Там-то я и стал трудиться в качестве лаборанта. А этажом ниже располагалась кафедра топографической анатомии и оперативной хирургии, где в той же должности трудился Коля Кузнецов, с которым мы вскоре познакомились и подружились. То был худощавый юноша, рыжеватый блондин, у которого и волосы на руках были рыжеватые, что вполне естественно; энергичный, со светло-серыми глазами, в которых светилась безумная целеустремлённость. Он хотел стать хирургом и никем другим. Потому не покладая рук занимался на своей кафедре изготовлением препаратов из органов и костей трупов и от него вечно исходил запах формалина, в котором трупы и приготовленные Колей препараты и содержались для пущей их сохранности. И заниматься этим делом ему предстояло ещё год. После чего он, так же как и я, рассчитывал поступить на лечебный факультет.

И пока Коля работал над препаратами из останков человеческих тел, я трудился над обеспечением лабораторных работ студентов, посещавших кафедру. Мне приходилось

иметь дело с братьями нашими меньшими: лягушками, мышами, крысами. Увы, сейчас я вспоминаю с большим сожалением о тех бедных зверушках, которых я умертвил ради того, чтобы изготовить препараты сердца, которое вырезалось и подвешивалось на канюле. Через него пропускался физраствор, и оно начинало сокращаться, а самописец, прикреплённый к нему, записывал на закопчённом вращающемся барабане кривые, отвечающие фазам сокращения сердца. При добавлении к физраствору различных компонентов можно было добиваться снижения или увеличения амплитуды самописца, ускорения или замедления ритма сердечных сокращений. Конечно же, кроме работы с сердцем и мышцами лягушек были работы с физиологией крови, которую студенты брали друг у друга из пальца с помощью скарификатора и определяли группы крови, скорость оседания эритроцитов и пр. Под микроскопом определяли виды форменных элементов крови. Занимались капилляроскопией, рассматривая под микроскопом кожицу у корня ногтя. Изучали рефлексы ЦНС, остроту зрения, слуха. Отдельно изучали работу эндокринной системы и т. д. И для всего этого нужно было в зависимости от темы подготовить соответствующие инструменты и препараты: пробирки, закопчённый барабан с самописцем, микроскопы и предметные стёкла, чашки Петри, неврологические молоточки, сфигмоманометры для определения артериального давления, кардиограф для записи сердечных сокращений, таблицы для опре-

деления остроты зрения, различные химикаты и препараты и т. д. и т. п.

Но почему я начал с лягушек? О, на то была чисто гастрономическая причина. Как-то ко мне в лаборантскую забежал Алексей Петрович, ассистент кафедры. Он был среднего роста, лет тридцати пяти, с крупной лысеющей головой и в очках. Темперамента он был сангвинического. Он спросил, не завалились ли у меня лягушачьи бёдрышки после лабораторных работ.

– Их есть у меня, – отвечивал ваш покорный слуга. – А зачем они вам?

И тут Алексей Петрович просветил меня по поводу гастрономических склонностей французов, которых, как известно, в просторечье называют лягушатниками. «Володя, неужели вы никогда не пробовали лягушачьи бёдрышки? И не испытывали искушения?» Услышав отрицательный ответ, он, блеснув очками, заявил: «Ставьте на газовую горелку лабораторный стакан с водой и препарируйте несколько лягушачьих лапок». «Просто снимите с них кожу, – добавил он, увидев мои приподнявшиеся брови. – Я сейчас вернусь». Вернулся он с лавровым листом, перцем и солью. Когда лягушачьи лапки были сварены и извлечены из стакана и аромат лаврового листа распространился по лаборантской, Алексей Петрович предложил мне угоститься. Однако у меня было смешанное чувство: от любопытства до тошноты, поднимавшейся из глубины моей обескураженной души. По-

этому я ответил: «После вас, Алексей Петрович». К тому же меня терзали смутные сомнения, не розыгрыш ли это. Алексей Петрович с очевидным удовольствием обглодал лягушачью ножку и поведал: «Да, молодцы французы. Безусловные кулинары и гурманы. Ну, смелее!» Я открыл рот и откусил небольшой кусочек белого мяса. Это было на удивление вкусно. По вкусу напоминало что-то среднее между крабом и курицей. Хотите проверить? Рекомендую.

Заглядывал ко мне и Иннокентий Родионович. Главным образом чтобы уточнить что-либо по подготовке лабораторных работ. Человек он был серьёзный, улыбался мало, в отличие от Алексея Петровича. Преимущественно он демонстрировал внешнее спокойствие. Но из-под него временами, при обострении ситуаций, проскакивал вибрирующий холерический темперамент. На кафедре он преподавал нервную систему человека. Как-то я спросил у него: что заставляет сокращаться человеческое сердце? Каков изначальный импульс? Почему оно трудится непрерывно в течение всей жизни? И почему йоги ухитряются практически остановить его биение? Иннокентий Родионович поначалу начал мне рассказывать об автономной нервной системе и электролитах, возникновении в проводящей системе сердца электрических импульсов, которые и приводят к сердечным сокращениям. И с этим было не поспорить. Но всё же каков изначальный импульс? Ведь это орган, выполняющий, по сути дела, чисто механическую работу. Гоняет кровь с кислородом и уг-

лекислым газом; с питательными веществами, необходимыми для организма; с гормонами, регулирующими интенсивность различных функций; с белыми кровяными тельцами, составляющими нашу внутреннюю армию, защищающую тело от агрессивных микроорганизмов... По сути дела, такой орган должен был бы иметь некую батарейку либо систему стимуляции сердечной мышцы, рассчитанную на длительный срок эксплуатации. Система кровообращения неплохо продумана. Так всё же кто установил эту батарейку, чтобы сердце заработало, чтобы организм одухотворился? Почему возникает этот импульс, почему так работают электролиты? И уже на ранней стадии развития плода? Иннокентий Родионович вздохнул, посмотрел на меня и ушёл...

Глава 3.

Учёба

Два года работы моей в качестве лаборанта кафедры нормальной физиологии постепенно истекли. Наступил период сдачи экзаменов. И мы с Колей благополучно поступили на лечебный факультет.

Начался период студенчества.

Первая лекция по анатомии произвела неизгладимое впечатление.

Аудитория располагалась амфитеатром, в центре которого находился стол, накрытый простынёй. Вошёл профессор в необычайно высоком белом колпаке, который заметно увеличивал его небольшой рост. Поприветствовав аудиторию, профессор сообщил, что здесь, а также на практических занятиях мы будем изучать анатомию человека. Что это основа медицинских знаний, без которой изучение лечебного дела невозможно. В процессе своего монолога профессор рассказывал вокруг стола, пояснял, как важно работать непосредственно с человеческим телом, а не только с анатомическими атласами. И вдруг он очень быстрым и картинным жестом сорвал простыню со стола. На столе во всей своей неприглядности лежал труп. То был человек неопределённого возраста и определённо мужского пола, судя по открывшимся на-

шим взорам очевидным половым признакам. Он был какого-то желтовато-коричневого цвета и источал быстро разнёсшийся по аудитории запах формалина. Девочка, сидевшая слева от меня, побледнела. Профессор подошёл к труп, надел резиновые перчатки и взял труп за руку. «За два года, которые мы с вами будем изучать анатомию, вам придётся весьма близко познакомиться с ним, – сказал профессор. – Работать с трупом приятно, – продолжил он, – поскольку труп выдержан в формалине и никакие неприятные запахи не мешают вам углубиться в изучение нашей замечательной науки». Девочка, сидевшая слева от меня, побледнела ещё больше, закатила глаза и тихо сползла под лавку...

Это был не единственный случай, когда кому-то из студентов становилось плохо на занятиях по анатомии либо оперативной хирургии. Большинство переносили вид крови достаточно стойко. Но у некоторых вегетатика преподаносила сюрпризы. И тогда кого-то могло стошнить, а кто-то мог потерять сознание. По счастью, у преподавателей всегда находилась под рукой баночка нашатыря.

Уже тогда, на первом курсе, мне удалось найти в библиотеке мединститута мою первую книгу по иглотерапии. То была книга Чжу Лянь «Основы современной чжень-цзю терапии» издания 1958 года. В начале книги было начертано: «В дар великому русскому народу от великого китайского народа». И ещё одна короткая надпись: «Русский с китайцем – братья навеки». То был период большой дружбы Со-

ветского Союза и Китая и строго материалистического мировоззрения. Конфликт на острове Даманском был ещё впереди. А среди прочих предметов, изучаемых в высших учебных заведениях, на одном из первых мест стояла марксистско-ленинская философия, не сдав которую студент мог вылететь из института.

Действие акупунктуры объяснялось исключительно с позиций рефлексов. Никаких тебе энергий. Никаких меридианов, которые считались пережитком неокрепших мозгов наших далёких предков. И сам метод лечения был назван в нашей стране рефлексотерапией. И хотя представления об энергиях и энергетических каналах человека в книге были сильно завуалированы, акупунктурные точки привязывались к телу чисто топографически, но всё же в качестве исторического экскурса были представлены рисунки каналов с точками из древних книг. А самое главное – там были вполне работающие акупунктурные рецепты на случай различных заболеваний. Описывались история возникновения акупунктуры, методы воздействия на точки как иглами, так и прижиганием полынными сигарами («чжень-цзю» и означает «иглоукалывание и прижигание»).

Мне не терпелось скорее испробовать иглотерапию на практике. Для этого требовалось как минимум иметь иглы и пациента, который бы согласился быть моим подопытным. Иглы производства Казани я купил в медтехнике на площади Рынок. А случай испытать их на практике скоро представил-

ся. У меня разболелся зуб в верхней челюсти, справа. Дело было вечером. Идти к стоматологу раньше завтрашнего дня я не собирался. У Чжу Лянь я нашёл, что следует ставить иглу за скуловую кость, сверху вниз, до ощущения иррадиации в область больного зуба с соответствующей стороны. Хотя, извините, вру. Этот способ введения иглы я, кажется, нашёл у Сорей в его книге «Семейные тайны акупунктуры одной иглой», с которой я познакомился примерно в это же время. Дополнительно ставились иглы в симметричные точки Хэгу (точка №4 меридиана Толстого кишечника), расположенные на кистях рук, между большим и указательным пальцами. Иглы были мною поставлены и выдержаны согласно седативному методу. Когда я снял иглы, зубная боль практически прошла. Работает!!! Но к стоматологу я всё-таки пошёл дня через три.

После этого я начал пользоваться иглотерапией как себя, так и всех моих родственников, а при случае и знакомых. И поскольку успешных результатов было более чем достаточно, я решил, что я уже готовый рефлексотерапевт. Но потом мне попало ещё несколько книг по иглотерапии (Вогралик, Бахман, Гериберт Шмидт, Роже де Ля Фюи, Генри Лю, Нгуен Ван Нги, Хуан-ди Нэй Цзин...), и моё представление о том, что я в иглотерапии чуть ли не собаку съел, сильно пошатнулось. В голове у меня образовалась настоящая каша. И я понял, что даже ещё не начал приступать к этой аппетитной (как говорят корейцы) закуске.

Практика акупунктуры без теории – это то же, что брачная ночь без невесты. То есть вы начнёте получать положительные результаты, но лишь в 60—70% случаев, как и «босоногие иглотерапевты» в Китае в период, когда там катастрофически не хватало врачей. Их готовили на скорую руку, за две недели. Объясняли, как работать с иглами и моксой, давали акупунктурные рецепты для лечения наиболее распространённых, простых заболеваний и отпускали в жизнь. Однако если мы хотим получать лучшие результаты, то без представления о меридиональной системе, направлении течения энергии в меридианах, законе пяти элементов и, хорошо бы, пульсовой диагностике (которую частично могут заменить электропунктурная диагностика по Фолю, тест Акабане или Накатани) не обойтись.

Тем не менее слух обо мне как о человеке, который лечит «китайскими» иглами и при этом успешно, постепенно начал распространяться по институту. И однажды мой преподаватель Виктор Иванович, доцент кафедры патологической физиологии, пригласил меня помогать ему в кабинете магнитотерапии с пациентами-аллергиками. Он давно увлекался магнитобиологией. Бывал в экспедициях в местах магнитных аномалий, в том числе и на Северном полюсе, где участникам экспедиции приходилось видеть удивительные галлюцинации. У него был генератор магнитных полей, с помощью которого он и облучал различными параметрами наших аллергиков в области тимуса (вилочковой железы). Кроме то-

го, он сделал крохотные катушки индуктивности. И в процессе лечения он занимался магнитотерапией, а я – иглоте­рапией. При этом катушки индуктивности ставились на руч­ки игл, которые таким образом превращались в сердечник этих катушек. Для нас было неожиданным, что иглы прогре­вались до такой степени, что пациенты приходили на следу­ющий день с небольшими волдырями от ожога, как от мок­сы. Но во время процедуры они ничего не чувствовали.

Так прошло некоторое время, пока Виктор Иванович го­товил материалы для диссертации... Параллельно я бегал на лекции и практические занятия. А иногда Коля Куз­нецов просил меня помочь ему с операциями на собач­ках. Почему он просил меня, спросите вы. Ну, как оказа­лось, студенты – народ, не сильно любящий напрягаться. Ещё А. С. Пушкин, вспоминая лицеистские годы, сказал: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...» С тех пор студент не изменился. И когда желающие специа­лизироваться по хирургии записались в хирургический кру­жок, где председательствовал Коля, оказалось, что нужно временами оставаться после занятий для разработки и про­ведения экспериментальных операций на животных. Для на­чала нужно было продумать операцию, затем найти собач­ку. Это не было большой проблемой. Коля обычно договаривался со служащим вивария дядей Васей, и тот за мзду малую, пол-литра водки или трёшку, приводил ему бездом­ного пса. Тут невольно вспоминаются профессор Преобра-

женский из «Собачьего сердца» Булгакова и его эксперименты с собаками. Так вот, собачку нужно было успокоить, дать премедикацию, привязать на столе брюхом кверху, побрить ей брюхо, накрыть операционное поле, приготовить всё для асептической операции, дать эфирный наркоз и, наконец, провести операцию. Потом прооперированную нужно было выхаживать. Поначалу члены кружка приходили после занятий и помогали и даже что-то предлагали. Но со временем эта публика как-то незаметно рассосалась. О где ты, студенческий энтузиазм? И Коля всё чаще оставался один. Как-то мы засиделись с Колей до утра. Идти домой уже не имело смысла. Мы прогуливались по улице Пекарской, говорили о разном: о будущей работе хирурга, о моей карьере в качестве иглотерапевта. А потом пошли на лекции. Я на свою, а Коля на свою.

Радовало, что после операции собачка выжила. И я был рад, что приобщился к Колиному нелёгкому труду. Помнится, что Коля разрабатывал тогда операцию по асептическому анастомозу (кишечник к кишечнику или желудок к кишечнику). И ему это прекрасно удалось. Потом он выступал с результатами этой операции на студенческой конференции.

Время шло. Пришло время распределения по специальностям. У меня не было проблемы попасть в группу невропатологов, откуда вёл ближайший путь к «рефлексотерапии», поскольку профессия невропатолога довольно сложная и желающих туда попасть не много. Зато пробиться в престиж-

ную группу хирургов, не слишком многочисленную, было совсем не просто. Слишком много желающих, слишком много «блатных». Однако Коля не имел насчёт себя никаких сомнений. Когда мы пришли в деканат лечебного факультета посмотреть списки специализации студентов, я легко нашёл себя и моего доброго товарища Тараса в группе невропатологов. Зато Колю ожидал неприятный сюрприз. Он тщетно искал свою фамилию в группе хирургов и наконец отправился к декану доложить, что по какому-то недоразумению его забыли включить в группу хирургов. Декан окинула его долгим грустным взглядом и на его претензию включить его в хирургическую группу сказала: «А ты кто такой?» Коля опешил и, слегка заикаясь, поведал ей, что он Коля Кузнецов, бессменный председатель хирургического кружка вот уже сколько лет. Вот его разработки оригинальных операций на животных, вот выступления на конференциях, вот дипломы, вот награды. Декан достала список хирургической группы. «Вот девочка, дочка второго секретаря обкома партии, вот сын первого секретаря райкома партии, вот дочка директора завода, вот сын уважаемого в городе, очень известного человека, вот ещё сын председателя горисполкома и т. д. Это всё уважаемые люди. И скажи мне, Коля Кузнецов: кого из детей этих уважаемых людей я должна вычеркнуть из списка, чтобы вписать туда тебя?» Разговор на этом закончился.

Но в подтверждение тезиса о том, что мы живём в чудесном, волшебном мире, что нам покровительствуют некие

могущественные космические силы, творящие чудеса, – стоит только очень хотеть достичь чего-то, делать каждый день хоть небольшие шаги к своей цели, – я должен сказать, что Коля сегодня работает хирургом, возглавляя очень престижное хирургическое отделение при мединституте. Правда, его путь не был усеян розами. Он некоторое время работал анестезиологом. И лишь со временем его мечта осуществилась. Но это произошло.

У меня был в институте другой добрый товарищ, который тоже мечтал о работе хирурга, но не проявил при этом достаточного упорства, воли, стойкости. Он стал терапевтом, а затем специализировался как невропатолог. И невропатологом он был грамотным. Тем не менее я уверен, что если бы он проявил больше воли, настойчивости, то и у него бы всё сложилось в соответствии с его мечтой.

Глава 4.

Интернатура

Итак, шесть лет учёбы подошли к концу, как и всё в этом мире, имеющее начало. Остались позади на мой взгляд не очень-то нужные врачу общественные науки, такие как марксистско-ленинская философия, политэкономия, история партии (КПСС), научный коммунизм, основы научного атеизма. Были сданы экзамены по химиям. А их было немало: неорганическая химия с аналитической химией, органическая химия, биохимия, физколлоидная химия, фармахимия. Оглядываясь на объём этих химий и оценивая потребность их в практической работе врача, должен признать, что и этой информации было избыточно много. И лучше бы мы уделили больше времени практическим наукам, дифференциальной диагностике, специальности. Тем более что далеко не каждый преподаватель обладал талантом Цицерона. И от монотонной лекции с листа клонило в сон. Однако были преподаватели, на лекции которых студенты ходили с удовольствием. Не могу не вспомнить лекции Евгения Евгеньевича Шитова с кафедры фармакологии. Сухую науку, которую другие лекторы сводили к формальному перечислению препаратов, их химических формул и характеристик, он превращал в захватывающее действо. Изложив и перечис-

лив кратко группу препаратов, о которых шла речь, он брал некий один препарат и рассказывал о нём историю. Но это была не просто история, а история в лицах, с бешеной жестикуляцией, с комическими моментами, с модуляцией голоса и выраженной мимикой. Вы видели фильмы с Луи де Фюнесом? Так вот, это было ещё лучше. Вы слушали Михал Михалыча Жванецкого? Так это было ещё лучше. Блестящий, талантливейший лектор, он владел аудиторией безраздельно и на комичных местах своего рассказа хохотал вместе со всеми. К нему на лекции ходили и с температурой, и недоспавшие, и травмированные.

Попытаюсь в качестве иллюстрации пересказать одну историю.

Евгений Евгеньевич рассказывал о группе препаратов, используемых при наркозах в хирургии. Описав кратко всю группу, он остановил своё внимание на трихлорметане (хлороформе).

Дело было в 50-х годах прошлого столетия. Уже смеркалось, когда к хирургической амбулатории Львовского мединститута подошла группа людей. То были цыгане. Дверь открыла медсестра. «Послушай, красавица, – обратился к ней старший, с крупной серьгой в ухе, бородатый, кучерявый с проседью цыган, – мне доктор нужен». – «Доктор вас примет. А что случилось?» Цыган потянул за руку прятавшуюся за его спиной молоденькую цыганку: «Вот, у дочки пальчик нагноился. Видать, без хирурга не обойтись». Дежурным хи-

ругром был молодой врач в очках, старавшийся держаться солидно. Он осмотрел руку юной красавицы. Палец сильно покраснел, с синюшным оттенком, заметно опух, и у корня ногтя вздулся беловато-желтоватый волдырь. Диагноз был очевиден: околоногтевой панариций. Девочка ойкала при малейшей попытке прикоснуться к её руке. Отец реагировал почти так же нервно. «Ну что же, будем вскрывать и чистить», – отважно заявил доктор. «Хорошо. Но если доця заплачет, ты у меня будешь плакать как ребёнок!» – заявил цыган и нежно погладил длинный нож на поясе. «Не волнуйтесь, – сказала медсестра, – всё сделаем под наркозом. Доктор молодой, но очень опытный. А вас попрошу подождать снаружи». Цыган поворчал, но, погладив «доцю», присоединился к компании, ожидавшей на улице.

Ждали долго. Было за полночь, когда наконец цыган поднялся на крылечко и постучал в дверь. Дверь не открылась. Зато открылось небольшое зарешёченное окошечко, в котором появилось бледное личико медсестры. «Извините, произошло несчастье. Какое горе, какое горе! Ваша дочь не выдержала наркоза и скончалась». Окошко захлопнулось. По компании цыган прокатился нарастающий ропот. Цыган стоял некоторое время с открытым ртом, а потом заколотил в двери кулаками и ногами. «Открывайте! Как это скончалась?! Она здоровая девочка. Что вы с ней сделали?» К нему присоединилось ещё несколько человек, и дверь стала сотрясаться с ещё большей силой. «Открывайте, а то высадим

дверь! Я хочу видеть мою дочь! Не успеет ещё солнце взойти над горизонтом, как идиот-хирург будет болтаться на этом дереве с распоротым брюхом!» Окошечко вновь приоткрылось, раздался голос медсестры: «Мы не можем допустить вас к телу, так как пациентка скончалась во время медицинской процедуры и её должен обследовать судебно-медицинский эксперт». – «А-а-а-а!!! Так ты не допустишь меня к моей девочке! Клянусь моей покойной мамой, не успеет ещё солнце взойти над горизонтом, как идиот-хирург со своей медсестрой будут болтаться на этом дереве!..» Дверь затрещала под напором обезумевших цыган, а на нескольких окнах посыпались разбитые стёкла. Дело становилось всё более серьёзным.

Длинными подвальными переходами, можно сказать тайными тропами, доктор и его медсестра на каталке вывезли тело молодой цыганки из хирургической приёмной и доставили его на кафедру судебной медицины. Там их уже ждал вызванный по телефону доцент кафедры Владимир Михайлович Зеленгуров. Пока цыгане ломались в хирургическую приёмную, круша двери и окна, Владимир Михайлович вскрывал тело и брал различные пробы органов. Наконец цыганам кто-то сказал, что ни доктора, ни медсестры, ни тела молодой цыганки в хирургической амбулатории давно нет и их следует искать, скорее всего, на кафедре судебной медицины. Добрая душа даже указала им, где эта кафедра расположена. И цыгане всей гурьбою двинулись в указанном

направлении, подбирая по дороге камни и другие подручные материалы, которые могли бы пригодиться при штурме кафедр.

Далее история продолжилась уже под кафедрой судебной медицины. Сотрясались двери, летели камни в окна, раздавались угрожающие крики с требованием выдать им идиота-хирурга, медсестру и тело дочери цыганского барона. Позвонили в милицию. Дежурный ответил, что все группы на выезде. Как только освободятся, кого-нибудь пришлют. Владимир Михайлович открыл окно и крикнул: «Граждане цыгане! Прошу вас утихомириться! Я, Зеленгуров Владимир Михайлович, провожу судебно-медицинскую экспертизу умершей. Ни хирурга, ни медсестру, ни тело девушки вам никто не выдаст. Очень жаль, что случилось такое несчастье, мы соболезнуем вашему горю, но в очень редких случаях такое бывает и это не зависит ни от возраста человека, ни от его физического здоровья, ни от хирурга, который давал наркоз. Прошу вас не шуметь и мирно разойтись. У меня ещё много работы. А завтра утром тело дочери вы сможете забрать». В ответ на его речь несколько камней полетело в окно, за которым стоял доктор Зеленгуров. Уже серело, и в предрассветных сумерках проревел голос отца умершей цыганки: «Так ты не отдашь! Ты будешь глумиться над телом моей дочки?! А мы заберём сами! Не успеет ещё солнце взойти над горизонтом, как идиот-хирург, его медсестра и судебный медик будут болтаться на этих каштанах!!!» Уже

где-то раздобыли верёвки. Уже кто-то вязал петли. А цыгане с негодующими воплями бросились на штурм кафедры.

А нужно вам сказать, что при кафедре судебной медицины существует небольшой музей, где хранятся изъятые в своё время у «романтиков большой дороги» ножи, кастеты, пистолеты. А по тем временам хранился и ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина) – автомат времён недавно закончившейся Великой Отечественной войны. При нём же был и полный патронов круглый диск. Зеленгуров размышлял не слишком долго. Он открыл шкаф, где хранился ППШ, и уже с автоматом вернулся к окну. Длинная автоматная очередь рассветила предрассветный полумрак и прошла над головами цыган. Всё стихло и замерло. И в этой тишине раздался голос Зеленгурова: «Граждане цыгане, прошу вас похорошему разойтись. Ещё одного предупреждения не будет. Если приблизитесь к кафедре, вторая очередь пройдёт на метр ниже». Ворча и оглядываясь, цыгане покинули поле боя.

Евгений Евгеньевич завершил свою историю словами: «С тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года хлороформ запрещён в качестве хирургического наркоза. Дело в том, что при чрезмерной дозе хлороформа могли наступить паралич дыхательного центра и остановка дыхания. А самые опасные осложнения во время наркоза наблюдались со стороны сердечной деятельности, вплоть до остановки сердца».

Почти на каждой кафедре нам говорили о творческом, индивидуальном подходе к лечению пациентов. Препарат, который подходит одному пациенту, другому с таким же диагнозом может не подойти; то же касается и дозы препарата, и частоты приёма, и различных физпроцедур. Подход к пациенту должен быть исключительно индивидуальным. «Лечите не болезнь, а больного человека!» – говорили нам.

Забегая вперёд, скажу, что в клинике, где я начал работать, мне сказали: «Забудьте, чему вас учили в школе. Пациентов будете лечить по протоколу, никакой отсебятинь!» И давались стандартные рецепты лечения болезней, а не больных.

Ну а пока мы с моим добрым товарищем Тарасом проходили курс интернатуры по неврологии. Нужно сказать, что поначалу Тарас также размышлял над профессией хирурга. Но мне удалось заинтересовать его акупунктурой, тем более что шансов попасть в хирургическую группу практически не существовало. И мы оба записались на неврологию. В свободное время мы как оголтелые рыскали по библиотекам и всем возможным местам, где только можно было раздобыть книги и статьи по акупунктуре. Были книги, которые нам удавалось купить в магазине иностранной литературы на площади Мицкевича. Что-то попадалось на английском, что-то на немецком. Там нам удалось купить «Акупунктурную терапию в соответствии с китайской типологией» Герриберта Шмидта, «Хуан-ди Нэй Цзин» в немецком переводе

Шнорренбергера, а также трёхтомный атлас по электропунктурной диагностике Фолля. В переводах англоязычной литературы по акупунктуре нам помогал Коля Кузнецов, который неплохо знал английский и перевёл учебник по иглотерапии Феликса Манна.

На кафедре неврологии мы попали в руки Матильды Александровны Бабадаглы. То была совершенно замечательная дама лет тридцати пяти, темноволосая, темноглазая, стройная, кандидат медицинских наук, большая умница. После краткого знакомства, оглядев нас с Тарасом критическим взглядом, она сказала: «Ну, не знаю, сумею ли я научить вас за выделенное нам время неврологии, но играть в канасту я вас научу. Присаживайтесь, молодые люди». Мы уселись за стол, а Матильда Александровна достала из стола две колоды карт... Но не подумайте, что наше обучение неврологии свелось к игре в канасту. Матильда Александровна была весьма строга и требовательна, и нам приходилось постоянно заглядывать в «Топическую диагностику заболеваний нервной системы» А. В. Триумфова.

Часть времени мы проводили на нейрохирургии, часть времени – на психиатрии. Изучали и психотерапию. В общем, к концу интернатуры какие-то зачатки знаний по неврологической специальности в нас были заложены. Параллельно мы с Тарасом осваивали иглотерапию. Но не только иглотерапия нас интересовала. Уже тогда нас привлекали различные нетрадиционные методы лечения. Мануальная

терапия была одним из них. Мы даже переводили с немецкого книгу чешского мануального терапевта Карела Левита. В то время как при болевых синдромах позвоночника в неврологической клинике использовали обезболивающие, мази, массажи, различные электропроцедуры и держали в стационаре в среднем две недели, мануальная терапия позволяла решить проблему во многих случаях довольно быстро путём разблокирования заблокированных позвонков. Конечно, нужно помнить как о показаниях, так и о противопоказаниях к этому методу. Приведу один яркий случай. Я уже работал в частной клинике, когда ко мне обратилась весьма пожилая дама, лет под семьдесят, которая вошла в кабинет, опираясь на палочку и прихрамывая. Она сообщила, что страдает болями в позвоночнике и в ноге уже несколько лет, что ей прописывали различные лекарства, мази, электропроцедуры. Но ничего не помогало. И вот она решила обратиться к нам. Я осмотрел пациентку. Болезненность определялась в области четвёртого-пятого поясничных позвонков, больше слева. Ощущения локального отёка не было. На рентгенограмме отмечалось небольшое смещение в области соответствующих позвонков. Во время манипуляции раздался громкий щелчок, как будто треснула сухая ветка. «Доктор, вы мне что-то сломали!» – запаниковала пациентка. «Не бойтесь, всё в порядке», – ответил я и поставил локально несколько игл. Через 20 минут я снял иглы и спросил пациентку про её ощущения. Она села на кушетку, за-

тем осторожно опустила ноги и попыталась встать. Её глаза округлились от удивления. «Доктор, у меня ничего не болит!» Она оделась, периодически переступая с ноги на ногу, как бы проверяя свои ощущения. И, разулыбавшись и расслабившись в многословных благодарностях, покинула кабинет, забыв у вешалки свою палочку, за которой она так и не вернулась.

Но были и другие методы лечения. Однажды мой товарищ, учившийся на курс старше, сказал мне, что в инфекционном отделении лечится его однокурсница Таня, с инфекционным гепатитом. И вот какая молодец, она лечится сама, травами и диетами. И она же лечит при этом пол-института, в том числе ассистентов и профессоров. И поскольку я интересуюсь всякими нетрадиционными методами лечения, то, наверное, мне было бы интересно с ней познакомиться. Разузнав, где именно она лежит, я побежал знакомиться. Таня оказалась небольшой, среднего телосложения, тихой, спокойной девушкой с внимательным взглядом и доброжелательным выражением на уже пожелтевшем личике. Возле неё стояли чашка с каким-то отваром и тарелка с запечённой, разрезанной на куски тыквой. Оказалось, что она уже давно занимается фитотерапией, что ещё её дед этим занимался и у неё сохранились его книги и записи. Ещё она интересовалась гомеопатией. Её речь была тихой, спокойной, никаких резких движений, жесты кулачки. Она уже была замужем, имела ребёнка. Её тихое, спокойное обаяние неволь-

но располагало к себе.

Эти тихие женщины... Мне встречалось в жизни несколько женщин такого типа. Они не слишком разговорчивы. Но в них скрыты необыкновенная энергия и целеустремлённость. Помните о тихом омуте? Так это о них. Они всегда добиваются цели и преодолевают любые препятствия, не растрачивая энергии на внешний антураж.

Танечка закончила лечебный факультет. Но чтобы официально заниматься её любимой фитотерапией, необходимо было закончить курсы по фитотерапии. С курсами была проблема. Их просто не было на кафедре последипломной подготовки. Но ей были очень нужны эти курсы. Представьте себе, что специально для Тани эти курсы были открыты. Правда, сразу же по их окончании и получении Таней соответствующего документа их тут же закрыли. Потом были разговоры о том, что Таню пригласили работать в кремлёвскую поликлинику. Спустя несколько лет я, будучи в Киеве, шёл по Хрещатику и вдруг вижу: мне навстречу идёт наша Таня под ручку с каким-то высоким морским чином. Она меня узнала. Поздоровались. Меня она представила как коллегу по институту, а своего спутника: «Это мой друг, командующий Военно-морскими силами СССР» (скромно, хоть и не без гордости). Ох уж эти тихие женщины...

Глава 5.

О predeterminedности

Человеческий организм нередко преподносит нам удивительные сюрпризы. Случается, что пациент, который уже уверенно пошёл на поправку и готовится к выписке, вдруг ни с того ни с сего умирает. А пациент, на котором уже поставили крест, у которого уже как будто за спиной ангел смерти распротёр свои крылья, вдруг чудесным образом выздоравливает. На онкологии нам рассказывали о подобных случаях. К примеру, был на операции пациент с четвёртой стадией рака желудка. Во время операции брюшную полость раскрыли, увидели множество метастазов и, не продолжая операции, зашили. Пациенту сообщили, что операция прошла успешно. Через некоторое время его выписали тихо умереть дома, прописав обезболивающие. А через год он объявился в клинике, посвежевший, порозовевший, набравший вес; представился, привёз подарки докторам и поблагодарил за успешную операцию, которая спасла ему жизнь. Можете представить себе удивление оперировавших его врачей? Его тут же послали на обследования, которые подтвердили, что пациент совершенно здоров.

По тем временам сообщать пациенту, что ему осталось жить месяц или два, было не принято. И я считаю, что это

правильно. Поскольку, сообщая пациенту о каких-то сроках его жизни, вы как бы заводите будильник на этот срок. И пациент, зная, что он всё равно скоро умрёт, умирает в этот самый срок. Вы будто запускаете программу самоликвидации этого человека. И в большинстве случаев ему ничего не остаётся, как согласиться с ней. Так же работают и предсказания различных ведуний, вещуний, цыганок, магов. Я расскажу вам историю моей первой жены, Любочки.

Когда она ещё училась в школе, она и ещё две её подружки узнали о цыганке, которая удивительно точно гадала по зеркальцу, угадывая всё, что было и что будет, ни разу не ошибаясь. В небольшом городке, где жила Люба, найти цыганку оказалось несложно. Сложность состояла в другом. Она отказывалась гадать. Сказала, что она этим больше не занимается. Уж не знаю, какие доводы приводили девчонки, но в конце концов она согласилась им погадать, в последний раз. Потом она исчезла из этого городка, и никто её больше не видел.

Девчонки заходили к ней по одной. Она смотрела в зеркальце и отвечала на их вопросы. Люба спросила её о своей семье, и цыганка верно рассказала, что у Любы две сестры, как их зовут, кто её родители, их имена. А затем Люба задавала вопросы о будущем. И цыганка, глядя в зеркальце, сообщила, что Люба первой в своём классе выйдет замуж, что её мужем будет врач, что звать его Владимиром, что у неё будет двое детей, мальчик и девочка. На этом Любе хорошо бы бы-

ло поставить точку и уйти домой. И так много узнала. Но она вдруг стала допытываться у цыганки, сколько она проживёт. Тут цыганка накрыла зеркальце рукой и отказалась отвечать на такой вопрос. И тем не менее Люба каким-то образом добилась своего. Зачем она только этого добивалась? Цыганка сказала ей, что она умрёт молодой. Думаю, что она даже назвала ей точную дату. Потому что примерно за месяц до смерти Люба рассказала соседке, с которой она подружилась, что, наверное, скоро умрёт. Через месяц у Любы развился острый панкреатит, и через пять дней её не стало. Она ушла в 26 лет, оставив после себя двоих прекрасных детей, мальчика и девочку...

И ещё о предопределённости.

Когда я учился на пятом курсе, то брал несколько ночных дежурств на кардиологической бригаде скорой в качестве фельдшера. Как-то мы ехали на вызов к больному с высоким давлением и с сильными болями в области сердца. Врачом с нами ехала дородная, переваливающаяся с ноги на ногу Сара Абрамовна. Когда мы приехали на место, я побежал вперёд с баулом в руках, а Сара Абрамовна не спеша поковыляла на своих полных ногах к подъезду. «Быстрее, Сара Абрамовна, быстрее. Там же человеку плохо. Пока мы в таком темпе до него доберёмся, он может и умереть!» – поторапливал я. «Куда вы спешите, Володенька? Если бозя захочет забрать его к себе, то как бы быстро мы ни бежали и сколько бы лекарств ему ни давали, бозя всё равно его за-

берёт. А если бозя не захочет его к себе забрать, то как бы тяжело он ни страдал и как бы мы его ни лечили, даже если он будет при последнем издыхании, он всё равно будет жить, и, возможно, много лет, и, возможно, вопреки нам». В этот раз «бозя» решил повременить, и пациент после нескольких инъекций и успокаивающих слов почувствовал себя лучше, давление стабилизировалось, боли в области сердца прошли.

Со временем я убедился в том, что в словах Сары Абрамовны есть своя сермяжная правда. Тем не менее это не значит, что мы не можем помочь нашим пациентам вообще. Напротив, очень часто мы им реально помогаем. Особенно если нам удаётся их успокоить, подбодрить, внушить веру в выздоровление. Страх, опасения, паника, вера в дурные предсказания, в неизлечимость своего недуга буквально высасывают из человека жизненную силу. И какие удивительные чудеса исцеления творит эта жизненная сила в противоположных случаях!

Глава 6.

Начало практики

Наше пребывание в интернатуре закончилось, и по распределению я попал в небольшой городок. В больнице я полдня принимал пациентов в поликлинике, а полдня работал с больными в стационаре. И конечно же, я часто применял мою любимую акупунктуру, хотя официального разрешения на это я не имел, поскольку на тот момент ещё не окончил курсов по акупунктуре. В больнице, где я работал, удивительным образом невропатологами были не только завотделения неврологии, что само собой разумеется, но и начмед и главврач. Отношение ко мне было вполне доброжелательным. Поначалу некоторые трудные случаи заболеваний, не реагирующие на обычные средства лечения, они начали направлять ко мне, на акупунктуру. Мол, поможет иглотерапия – хорошо, а нет – так на нет и суда нет. Всё равно ничего не помогает. Начмед, прислав ко мне своего пациента с невритом лицевого нерва, даже начал мне показывать, как ставить иглы, уверяя меня и пациента, что тоже занимался акупунктурой. Правда, между нами говоря, иглы он тыкал совсем мимо точек и так неглубоко, что они просто висели, готовые упасть. При этом он распространялся среди больных и коллег, что акупунктуре меня научил именно он. Я, конечно-

но, поправлять его не стал, но как только он вышел из палаты, иглы переставил. Появились первые удачные результаты моего лечения. Ко мне начали обращаться пациенты из других отделений. Как-то обратился молодой человек с пансиуситом. На рентген-снимке все придаточные пазухи носа были забиты гноем. Парень испытывал сильные боли, температура тела достигала 39 градусов. Проблема состояла ещё и в том, что он был выраженным аллергиком и наотрез отказался от всяких антибиотиков. Поэтому одновременно с акупunkturой я использовал аутоуринотерапию: трижды в день он должен был выполаскивать пазухи носа собственной свежей мочой. Моча набиралась в стакан и втягивалась через отверстия носа, сначала с одной стороны с зажиманием противоположной ноздри, а затем – с другой, при этом через рот она выпускалась. Перед сном делались компрессы с мочой на область лобной и гайморовых пазух. При этом желательно, чтобы моча отстоялась три дня. Довольно быстро прошли боли и нормализовалась температура тела. Когда через 10 дней врач из ЛОР-отделения сделал контрольный снимок, он был поражён: все пазухи полностью очистились от гноя.

Обращались ко мне и желающие бросить курить. Им помочь было довольно просто. Сутки они должны были не курить, затем приходили ко мне в состоянии абстиненции, и я снимал её с помощью игл. Обычно иглы ставились в точку Инь-тан, посередине между бровями. При этом игла вводилась вертикально в направлении корня носа до ощущения

иррадиации в нос. Затем добавлялись две точки Ин-сян (20-я точка меридиана Толстого кишечника) и четвёртая точка того же меридиана Хэ-гу, одна из наиболее популярных точек акупунктуры. Иглы держим обычно 20—30 минут, периодически подкручивая. И такие сеансы при необходимости повторяем до четырёх раз, через день. Нередко хватает одного сеанса.

Как-то ко мне обратился наш лифтёр дядя Миша. Это был пожилой человек, лет за семьдесят. Сообщил, что его замучил кашель. Врачи ему советуют бросить курить, но он сам никак не может бросить. Ему хватило одного сеанса акупунктуры. После чего он уже больше не курил.

Были и некоторые специфические пациенты из спецкомендатуры. То были условно заключённые, отработывавшие свой долг перед обществом на серном комбинате. Несколько таких ребят обращались ко мне с просьбой снять зависимость от наркотиков.

Хорошие результаты показала иглотерапия при неврите лицевого нерва, особенно свежем неврите. Был случай, когда один пациент уже через неделю восстановил подвижность мускулатуры поражённой части лица только на акупунктуре.

В общем, результаты были неплохими. Слух обо мне prošёл по всему небольшому городку. И пациенты, попадая в стационар, стали проситься направить их именно в мои палаты. Таким образом, мои палаты были всегда полными, а палаты других докторов были полными не всегда. Особен-

но это обеспокоило заведующего, начмед и главврача, которые также имели свои палаты и пациентов в них. Как-то главврач вызвал меня к себе и сообщил, что запрещает мне заниматься акупунктурой и мануальной терапией, поскольку у меня нет соответствующих курсов. Что мне оставалось делать? Пришлось снизить свою акупунктурную активность. Во всяком случае в стационаре. Однако в тех случаях, когда я видел, что данному пациенту иглотерапия очень даже показана, то нередко не сдерживался и ставил иглы. Несколько раз меня на этом ловили. Было собрание коллектива больницы, где мне ставили на вид моё недостойное поведение. Собирали профсоюзное собрание, где требовали от меня в очередной раз отказаться от пагубной практики. Любочка моя меня успокаивала, но нервы мои были на пределе. Так продолжалось до тех пор, пока мне не удалось добыть путёвку на курсы по иглотерапии (рефлексотерапии, как она у нас называлась) в Харьков. После чего я уже занимался акупунктурой спокойно, не обращая внимания на недоброжелательных коллег.

За время моей службы в городской больнице я успел переболеть инфекционным гепатитом. В инфекционном отделении я провалялся два месяца. И это время я посвятил переводу книги доктора У Вэй Пина «Китайская акупунктура». Это был английский перевод китайского учебника, написанного президентом Китайского общества по исследованию акупунктуры и уже переведённого на французский

язык. Книга написана простым и понятным языком. Удивительно просто в ней излагаются вопросы акупунктуры, крайне запутанные в нашей литературе.

Акупунктура получила толчок к своему развитию и более широкому распространению в период царствования Жёлтого императора – Хуан Ди. Уже тогда использовались в качестве лекарств различные яды. Особенно популярными были соли ртути. От побочных действий таких лекарств люди нередко получали серьёзные осложнения и умирали. Если посмотреть на побочные действия современных фармакологических средств, то вы не удивитесь, что нередко после назначения одного лекарства врач назначает другое, чтобы бороться с побочным действием первого. Нередко современные лекарства так раскачивают утлую лодочку нашего организма, и без того подверженного различным вредностям, что баланс функций нарушается безвозвратно.

В трактате «Хуан-ди Нэй Цзин» приводятся слова Хуан Ди, с которыми он обращается к своему врачу Ци Бо:

Хуан Ди говорит Ци Бо: Я, вождь великого народа, долженствующий получать от него большую дань, опечален тем, что не могу собрать её, ибо мои люди часто болеют. Поистине, мой народ достоин сожаления, и мне не хотелось бы, чтобы он опрометчиво поглощал в прописываемых знахарями настойках разные яды. Я хочу, чтобы людей лечили с помощью небольших игл, используемых в акупункту-

ре. Я приказываю, чтобы этот метод был передан всем последующим поколениям и чтобы законы, касающиеся этого метода, были точно установлены, чтобы было легче использовать их, тяжелее забыть и чтобы в будущем они не были брошены. Кроме того, чтобы эти закономерности аккуратно исполнялись и чтобы путь к исследованию был открыт.

Интересен ещё один вопрос Хуан Ди к Ци Бо и ответ последнего, не потерявший актуальности и теперь:

Император Хуан Ди: Мне приходилось слышать о том, что в древние времена люди доживали до столетнего возраста. Но в наши дни даже пятидесятилетний уже является развалиной. С чем это связано: с изменением обстоятельств или же вся вина за это лежит на людях?

Врач Ци Бо: В древние времена люди жили согласно Дао, или Высшему Закону. Соблюдая правила иньско-янских взаимоотношений, они были воздержанными и вели упорядоченную и простую жизнь. А потому, будучи здоровы и душой и телом, они и могли жить до ста лет. В наше же время, поскольку люди спиртные напитки пьют точно обычную воду, ищут всё новых и новых удовольствий и предаются невоздержанности, они не живут более пятидесяти лет. Согласно учению мудрецов, для того, чтобы избежать «извращённых фэнь» (патогенные внешние воздействия) – необ-

ходимо вести простую и спокойную жизнь. Сохраняя тем самым всю свою энергию «в резерве», обеспечиваешь неуязвимость тела для болезней. Для того, чтобы сердце его пребывало в покое, мудрец должен воздерживаться от желаний; усталость тела – допустима, но никак не допустимо истощение духа. Живя в подобной простоте, человек и в наши дни может прожить до ста лет.

Как мы знаем, на Руси люди проживали и дольше. Известен указ Петра Первого об уничтожении всех трёхсотлетних старцев. А если мы пройдемся по кладбищу при Донском монастыре или по любому другому старому кладбищу, то найдём немало людей, проживших более 100 лет.

Я далёк от мысли, что всю современную фармакологию следует выбросить на помойку. В острых ситуациях она нередко помогает человеку выжить, как и хирургия. Но если можно решить ситуацию без использования средств с выраженными побочными действиями, то почему не воспользоваться акупунктурой, гомеопатией, мануальной терапией, магнитотерапией и прочими неакадемическими методами лечения? Арсенал врача не должен быть ограничен только академическими методами.

На заре моей карьеры невропатолога ко мне в палату поступил пациент с ишемическим инсультом в результате тромбоза мозговых сосудов. Заведующая отделением порекомендовала мне назначить антикоагулянты. Благодаря чему

тромб рассосался, но как побочное действие возникло кровоизлияние в мозг – геморрагический инсульт, от которого пациент и скончался. И как же быть с нашим замечательным девизом Non nocere! – «Не навреди!», если большинство препаратов, используемых современной медициной, имеют множество побочных действий? И как вам побочные действия вакцин, среди которых синдром внезапной смерти?..

Глава 7.

Об учителях

Кто они? Это все те, кто нас окружают в этой жизни, с кем нас сводит судьба. Это и книги, и фильмы. Конечно же, это и наши родители, и наши деды и бабушки, и наши дети, и просто случайный человек в трамвае, поезде, обронивший фразу, даже не обращённую к нам, и она нам запомнилась и чему-то научила. И это, конечно же, учителя в школах и прочих учебных заведениях. Кто-то из них учил нас, как не надо преподавать свой предмет, а кто-то – как надо. У кого-то на лекции мы могли заснуть, а кто-то завладевал нашим вниманием безраздельно. Евгений Евгеньевич Шитов говорил: «Если хотите, чтобы вас слушали, модулируйте голос, меняйте тональность, громкость, заставляйте аудиторию иногда рассмеяться».

Это и духовные учителя.

Не могу не упомянуть об одном моём учителе, который многому научил меня. Юра пришёл ко мне, начинающему врачу, в больницу познакомиться, когда узнал, что я занимаюсь акупунктурой. Мы сдружились. Я поражался его разносторонностью. Он много читал, был на ты с любой электроникой, что позволяло ему заниматься ремонтом различной радиоэлектронной техники, в том числе ещё довольно ред-

ких по тем временам видеомагнитофонов. И пока очередной отремонтированный видеомагнитофон ещё не забирали хозяева, он звал нас с Любой к себе посмотреть очередную киноновинку. Помню, каких страхов мы натерпелись, когда смотрели у него фильм «Чужой» с Сигурни Уивер в главной роли. Ещё неделю мы ходили с Любой под впечатлением и решили, что больше ничего подобного смотреть не будем. Но когда появился второй фильм («Чужие») и Юра нас позвал, мы всё же, движимые любопытством, не удержались и пришли его посмотреть. Юра был тем человеком, который познакомил меня с компьютером. Современному человеку, который на ты с карманными компьютерами, называемыми смартфонами, тяжело даже представить себе, с чего начинали компьютерные фанаты в 80-х годах. Моим первым компьютером был ZX Spectrum, с совершенно ничтожной памятью и девятицветным изображением. Графика его была на зачаточном уровне, и цвета с объёмами дорисовывало наше воображение. Но это было настоящее чудо! Уже можно было играть в шахматы с компьютерной программой, играть в космические войны и т. д.

Есть люди, которые о не очень сложных вещах говорят как о вещах, недоступных пониманию простых смертных: «О, это очень сложно! Это штука коническая!»

Юра о многих довольно сложных вещах говорил: «Ну это так просто!» И всё просто объяснял.

Должен сказать, что благодаря ему я научился ездить

на мотоцикле. Он купил себе старенький «Минск». Я всё поглядывал, как он ездит на нём. И как-то раз он дал мне на нём прокатиться. «Это не сложнее, чем на велосипеде», – сказал Юра. Объяснил, где тормоз, где газ, где сцепление. Как переключать передачи. Дорога была безлюдная. Я сел, придал газу, и это двухколёсное чудо само повлекло меня к ещё не изведанным ощущениям. Я начал ездить зигзагами, от одного края дороги к другому. Юра же шёл сзади и наблюдал за моими выкрутасами. Так я ехал некоторое время, пока не свалился в придорожный кювет. Руль у мотоцикла загнулся, и разбились «повороты» с одной стороны. Я в панике стал вытаскивать мотоцикл из кювета, в ужасе представляя, что мне сейчас наговорит Юра. И тут меня больше всего поразила его реакция. Он продолжал идти не спеша. А когда подошёл, улыбнулся и сказал: «„Повороты“ поменяем, это копейки. А руль сейчас выровняем». Потом добавил: «Ну как, ещё попробовать не хочешь?» Я набрался наглости и сказал, что ещё разок бы попробовал проехать. И заверил Юру, что возьму все поломки. И я поехал ещё раз, уже держась подальше от кюветов. И знаете, мне это так понравилось, что вскоре я записался на водительские курсы, сдал на права вождения автомобиля и мотоцикла и купил себе новенький «Минск» с загнутой вверх выхлопной трубой аля спорт.

Я мог бы рассказать ещё много о том, какой это доброжелательный человек, как стойко он переносил различные

жизненные невзгоды. Но тут я хочу вспомнить о его удивительной сенситивности, соединённой с доброжелательностью и интересом к каждому новому человеку. Я уже работал в то время во Львове. Мой замечательный мотоцикл у меня увели прямо из-под поликлиники, пока я ходил в регистра-туру за вызовами к пациентам. И я приобрёл по рекоменда-ции моей медсестры старенькую 21-ю «Волгу». Это была ма-шина её соседей и приятелей, с которыми она нередко вы-езжала за город, на озеро, в лес и т. д. Она очень хвалила эту машину и никак не могла понять, почему её владелец, прапорщик, решил её продать. Это была совершенно за-мечательная машина. И она заслуживает того, чтобы отдель-но описать её историю. Но, возможно, я сделаю это ниже. А пока вернёмся к предыдущему повествованию.

Итак, я уже работал во Львове и был счастливым владель-цем 21-й «Волги», когда мне позвонил Юра и предложил на выходных отдохнуть за городом, на речке, пожарить на ко-стре шашлычки и надышаться свежим, не городским возду-хом. Предложение было с энтузиазмом принято. К тому вре-мени Юра тоже пересел с мотоцикла на автомобиль «Запо-рожец» по прозвищу «ушастый». Итак, двумя автомобиля-ми, я с женой и детьми и Юра с женой и её сыном, мы от-правились за город, к речке. Место было живописное и ти-хое. Мы развели костёр, нажарили шашлыков. В это время к нам приблизился мужик. Росту в нём было никак не ме-нее двух метров, лет ему было тридцать – тридцать пять. Он

нёс удочки и ещё какие-то снасти, на плечах был рюкзак. По одежде было видно, что он собрался рыбачить с ночёвкой. Он поздоровался, мы ответили. Юра спросил, не заняли ли мы его рыболовное место. На что он ответил, что река большая и места хватит всем. Юра предложил ему присоединиться к нам за ужином и выпить по стопочке водки. Рыбак согласился. Он присел рядом с Юрием, и у них завязалась беседа. Я же исподлобья наблюдал за неожиданным гостем, и нехорошая ревность по поводу того, что Юра уделяет ему так много внимания, наполняла меня. Через некоторое время рыбак поблагодарил нас за гостеприимство (что в основном относилось к Юре, а не ко мне) и отправился ловить рыбу.

Постепенно стемнело. Мы загасили костёр и отправились спать по машинам. Среди ночи нас разбудил какой-то шум. Какие-то мужики, человек семь или восемь, с палками и факелами появились у наших машин и стали кричать, что это их земля и на ней нечего делать разным богатеям на «автах» и чтобы мы немедленно убирались прочь. Поведение их становилось всё более угрожающим. Они стали приближаться к машинам, размахивая своими палками. Тогда Юра открыл дверцу своей машины и встал в проёме, расправив плечи и могучую атлетическую грудь. Вслед за ним из машины вышел и я, бормоча что-то о том, что люди приехали отдохнуть на природу с детьми и почему нельзя? Но это их не остановило. И тут из темноты показалась двухметровая фигура рыба-

ка. Он встал между машинами, опираясь на огромную дубину, и заявил, что богачи на таких машинах не ездят, а земля принадлежит всем. Мужики с палками притормозили и загалдели, что рыбака они знают и он может остаться, а эти, на машинах, пусть убираются после того, как получают хороший урок. На что рыбак, поигрывая дубиной, сказал, что мы вместе сидели у костра, вместе ели одну пищу и вместе останемся здесь до утра. Мужики ещё поворчали какое-то время и, решив, что ладно, пусть их, разошлись. Да, если бы не рыбак, дело могло бы кончиться очень грустно. Как будто кто-то послал нам ангела-хранителя и Юра его разглядел интуитивно.

Об учителях можно писать много и вспоминать, чему каждый из них научил нас. Постарайтесь вспомнить своих учителей и отдать дань благодарности каждому из них.

Глава 8.

21-я «Волга»

Я обещал рассказать о моей во многих отношениях замечательной автомашине «Волге». Чем же она была столь замечательна? Ну, во-первых, она была прочна, как танк. Далее нужно сказать, что рычаг переключения передач в ней находился на руле, и было всего три передачи плюс задняя. Также в этом аппарате не предусмотрены ремни безопасности. Но главное – в каком состоянии она мне досталась. Но начнём по порядку.

Итак, моя медсестра в поликлинике, узнав, что я хочу купить недорогую, подержанную, но в приличном состоянии машину, сказала, что её знакомые как раз продают 21-ю «Волгу». И расхвалила эту машину, на которой они неоднократно ездили за город, по грибы, на озёра и т. д. Единственное, по поводу чего она сокрушалась, – что теперь она не сможет с ними ездить за город. И ещё она никак не могла понять, почему они продают такую замечательную машину. Зато я это довольно скоро понял. Владельцем этой чудомашины был прапорщик Василь Иванович, мужчина средних лет. Он познакомил меня с «Волгой», показал особенности управления и предложил сесть за руль. Мы были за городом. Я, до этого управлявший только мотоциклом, несколько оро-

бел. Но с управлением справился. Прапорщик пояснил мне, чтобы я не разгонялся слишком сильно, что машинка старенькая, её крейсерская скорость 80 километров в час, что больше и не надо. Я шёл на скорости 40—50 километров в час и подумал, что скорость 80 – вполне приличная. Ещё он мне поведал, что особенности этой машины таковы, что если у меня в баке будет меньше 10 литров бензина, то она может и не поехать. «А так, – добавил Васыль Ивановыч, – машина – зверь. Я своими руками перебрал карбюратор, и он работает как часы!» В доказательство он показал мне свои заскорузлые руки, что должно было убедить меня в швейцарской точности работы перебранного им карбюратора. И ещё он просил меня ездить осторожно, особенно по неровным и загородным дорогам, по ухабинам.

И я поехал. И как только я выехал за город, на первой же ухабине заднее крепление рессоры провалилось в багажник. Каким-то чудом я добрался домой и в гараже договорился с электросварщиком, что он подлатает мне машину. Тот согласился за мзду малую. А потом жутко матерился, поскольку варить пришлось всё днище «Волги». Практически всё оно прогнило. После чего я начал ездить более уверенно, получая удовольствие от того, как мягко идёт машина, раскачиваясь и сглаживая неровности дороги благодаря рессорам.

Но сколько бы я ни нажимал на педаль газа, больше чем на 80 километров в час разогнаться мне не удавалось, хотя я вдавливал педаль в пол сколько мог. Наконец я сообразил,

что натяжение педали просто плохо отрегулировано. Я подтянул педаль и наконец разогнался до 120 километров в час.

Очень быстро я убедился в том, что сколько бы бензина в бак я ни подливал, он куда-то неизменно исчезает, и очень быстро. Я замерил расход топлива, и оказалось, что на 100 километров у меня уходит на трассе 24—25 литров. Тогда я обратился к автомеханику в гараже и поведал о своей проблеме. «У вас что-то не в порядке с зажиганием, и карбюратор как-то странно работает. Кто это над ним так поизмывался?» Тут я вспомнил заскорузлые руки прапорщика. «У вас же бензин течёт рекой». Ещё оказалось, что бензопровод негерметичен, а потому плохо и не до конца подаётся бензин из бензобака (а потому прапорщик говорил о необходимых минимум 10—15 литрах бензина в бензобаке!). Бензопровод загерметизировали, зажигание выставили со стробоскопом, карбюратор разобрали и собрали правильно. После чего я выехал на трассу, израсходовал остатки бензина в бензобаке. И когда машина остановилась, залил в бензобак ровно 5 литров бензина. После этого я покатил по трассе, куда бензин не кончился. После всех расчётов оказалось, что расход бензина составил 7,7 литра на 100 километров. Ну, это было совсем другое дело. А между тем это было и неудивительно, поскольку по паспорту расход на трассе для 21-й «Волги» составлял 8 литров на 100 километров.

Ещё одно удобство, о котором я забыл упомянуть, — это то, что переднее сиденье было общим и для водителя, и для

переднего пассажира, по типу дивана. И так же, как диван, оно раскладывалось. Таким образом, для сна и отдыха на природе образовывалось огромное пространство.

Глава 9.

Акупунктура

Однако сейчас уделим немного больше внимания акупунктуре.

Старая традиция акупунктуры опирается на ряд законов. Один из наиболее важных законов – закон Инь-Ян. Вам известен знак китайской монады – два противоположных начала, заключённые в круг и переходящие друг в друга. Ян – положительное, активное состояние, которое характеризуется теплом, светом и наружным, внешним. Инь, напротив, является состоянием не негативным, а скорее пассивным, недействующим, внутренним. Это – отсутствие состояния Ян, состояние пассивности, которое характеризуется холодом, темнотой и внутренним. Эти Инь и Ян – взаимодополняющие, неразлучные, не могущие существовать друг без друга, постоянно переходящие друг в друга, то нарастающие в своём объёме и силе, то спадающие, как свет и тьма, день и ночь, верх и низ, небо и земля, твёрдое и мягкое, мужчина и женщина, вода и лёд, радость и печаль, любовь и ненависть, добро и зло, холод и тепло и т. д. Всё вокруг нас и мы сами состоим из противоположных начал. Невозможно существование Ян без Инь и Инь без Ян. Посмотрите на монаду. Когда Ян, казалось бы, набрал наибольшую силу, на апогее

его торжества возникает маленькая точка противоположного начала Инь, которая начинает нарастать и вытеснять Ян, но в наибольшем своём развитии обнаруживает точечное зарождение в себе противоположного начала. И всё повторяется. Знак монады – это не знак единства и борьбы противоположностей, а скорее знак взаимодополнения. Поэтому нет смысла в ожесточённой борьбе на уничтожение друг друга противоположных начал (вспомним о непротивлении злу насилием), если мы понимаем суть закона Инь-Ян. Просто соблюдаем баланс и знаем, что всё повторится, как на качелях: вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз; то наверху синусоиды, то внизу. Так сменяются дни и ночи, так сменяются сезонные циклы, так пульсирует Вселенная. Правильный баланс Инь и Ян и обеспечивает здоровье человека.

Все меридианы в акупунктуре делятся на иньские и янские. И если западная медицина в основе базируется на анатомии и дисекции (науке смерти), то китайская медицина в первую очередь, и только, опирается на закон Ци Хуа (наука жизни), в котором берёт свои истоки понятие о меридианах.

В человеческом теле определено 12 меридианов, или Цзин; восемь каналов, или Ци Цзин Май (расположенные вне меридианов); и соединяющие каналы, или Ло Май. Меридианы, по которым течёт Ян- или Инь-энергия, составляют перечень, который приводится ниже.

Ян		Инь	
Толстый кишечник	(GI,CO)	Лёгкие	(P,LU)
Желудок	(E,ST)	Селезёнка	(RP,SP)
Тонкий кишечник	(IG,SI)	Сердце	(C,HE)
Мочевой пузырь	(V,BL)	Почки	(R,KI)
Тройной обогреватель	(TR,TH)	Перикард	(MC,HC)
Желчный пузырь	(VB,GB)	Печень	(F,LI)

(В скобках приведены аббревиатуры французского и английского названий меридианов.)

Восемь каналов, расположенных вне меридианов (их ещё называют чудесными меридианами), также можно разделить на две группы в соответствии с полярностью:

Таблица 2

ЯН	ИНЬ
Канал, соединяющий Ян-энергию:	Канал, соединяющий Инь-энергию:
Ян Вэй Май	Инь Вэй Май
Ян-канал лодыжки:	Инь-канал лодыжки:
Ян Цзяо Май	Инь Цзяо Май
Канал талии:	Канал паха:
Дай Май	Чжун Май
Управляющий канал:	Канал зачатия:
Ду Май	Жень Май

Траектории меридианов симметричные и двусторонние, за исключением двух последних каналов – Ду Май и Жень Май, которые имеют одностороннюю траекторию. Ду Май проходит вдоль задней срединной, а Жень Май – вдоль передней срединной линии. Траектории *соединяющих* каналов симметричные и двусторонние.

Серии точек на коже, образующие меридианы, непосредственно связаны с внутренними органами. Фактически меридиан не только связан с определённым органом, но и имеет свой источник в нём.

Органы делятся на две основные категории, названные Чжан и Фу. Чжан – это те органы, которые функционируют постоянно; они связаны с циркулирующей крови и являются иньскими по своей природе. К Чжан-органам относятся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.